

Н.К. Рерих

Алтай*

Во все небо стояла радуга. И не одна, но две. И в радужные ворота стремилась широкая Обь. Великая Обь — родина жены и змия.

Шамбатион-река¹ стремительно катит по порогам и камням. Кто не пострашится, перейдет ее. А на той стороне живут люди М. «М» — самая священная буква алфавита, она скрывает имя грядущего. Каббала помнит Шамбатион. Катит камни — катунь настоящая. И не построен еще город на месте новом.

Катунь — по-тюркски «женщина».

«Додекаэдрон женского начала обозначается в географических понятиях, связанных со сроками эволюции».

«На Катуни и на Бии встанет брат на брата. Будет избиение великое, а потом начнется новая жизнь».

И еще приходили другие и толковали все о том же двадцать восьмом годе. Солнечные пятна сгущаются так через семьдесят семь лет. И пришел самый вдохновенный человек и о том же толкует. Вот диво-то: один по астрономии, другой по астрологии, третий по писаниям, четвер-

тый по числам, и разговоры все о том же самом. Вот диво-то. К 1911 прибавить 25 — получается тот же 1936 год.

Камень — дивный камень. Тигеревский камень. И просто — камень. И весь край — сплошной камень.

Елен-Чадыр, Тоурак, Куеган, Карагай, Ак-Кем, Ясатар, Эконур, Чеган, Арасан, Уруль, Кураган, Алахой, Жархаш, Онгудай, Еломан, Тургунда, Аргут, Карагем, Арчат, Жалдур, Чингистай, Ак-Ульгун, Хамсар.

Это все имена. Эти названия речек, урочищ и городищ — слышатся как напевный лад, как созвучный звон. Столько много народов принесли свои лучшие созвучия и мечты. Шаги племен уходят и приходят.

Около черного Ануя на Караголе — пещеры. Глубина и протяжение их неизвестны. Есть там кости и надписи.

А когда перешли Эдигол, расстилалась перед нами ширь Алтая. Зацвела всеми красками зеленых и синих переливов. Забелела дальними снегами. Стояли трава и цветы в рост всадника. И

* Печатается по: *Рерих Н.К.* Алтай — Гималаи. Рига, 1992. С. 279 — 291.

¹ Шамбатион — река, упоминаемая в Ветхом Завете.

даже коней здесь не найдешь. Такого травного убора нигде не видали.

Поравнялся с нами алтаец. Пугливо взглянул на нас. Что за новые чужаки в его страну пожаловали? Махнул плетью и потонул в звонких травах. Синих, золотых, пурпуровых. Поражающе сходство североамериканских индейцев с монголами.

Про доброго Ойрота все знают. А любимое имя алтайцев — Николай.

За Ялуем начались алтайские айлы. Темнеют конические юрты, крытые корой лиственницы. Видно место камланий. Здесь не говорят «шаман» — но «кам». К Аную и к Улале есть еще камы, «заклинатели снега и змей». Но к югу шаманизм заменился учением про Белого Бурхана и его друга Ойрота. Жертвоприношения отменены и заменились сжиганием душистого вереска и стройными напевами. Ждут скорое наступление новой эры. Женщина — молодая алтайка — почуяла новые шаги мира и хранит первый строгий устав.

Размытая ливнями дорога утомила коней. Остановились в Кырлыке. Придется здесь просидеть ночь. Но не жаль провести ночь в месте, где

родилось учение о Белом Бурхане и его благом друге Ойроте. Имя Ойрота приняла целая область. Именно здесь ждут приход Белого Бурхана. В скалах, стоящих над Кырлыком, чернеют входы в пещеры. Идут пещеры глубоко, конца им не нашли. Здесь также пещеры и тайные ходы — от Тибета через Куэнь-Лунь, через Алтын-Таг, через Турфан; «длинное ухо» знает о тайных ходах. Сколько людей спасались в этих ходах и пещерах! И явь стала сказкой. Так же как черный аконит Гималаев превратился в Жар-цвет.

«А как выросла белая береза в нашем краю, так и пришел белый царь и завоевал край наш. И не захотела чудь остаться под белым царем. Ушла под землю. И захоронилась камнями». На Уймоне показывают чудские могилы, камнями выложенные. «Тут-то и ушла чудь подземная». Запечатлелось переселение народов.

Беловодье! Дед Атаманова и отец Огнева ходили искать Беловодье. «Через Кокуши горы, через Богогорше, через Ергор — по особой тропе. А кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи. Бывает, что и беловодские люди выходят верхом на конях по особым ходам по

Н.К. Рерих. Ойрот, посланник Белого Бурхана

Ергору. Также было, что женщина беловодская вышла давно уже. Ростом высокая, станом тонкая, лицом темнее, чем наши. Одета в долгую рубаху, как бы сарафан. Сроки на все особые».

С юга и с севера, с востока и с запада мыслят о том же. И тот же эволюционный процесс запечатлевается в лучших образах. Центр между четырех океанов существует. Сознание нового мира — существует. Время схода событий — улажено, соблазн собственности — преоборен, неравенство людей — превзойдено, ценность труда — возве-

щена. Не вернется ли чужд подземная? Не седлают ли коней агарты, подземный народ? Не звонят ли колокола Беловодья? По Ергору не едет ли всадник? На хребтах — на Дальнем и на Студеном — пылают вершины.

«В 1923 году Соколиха с бухтарминскими поехала искать Беловодье. Никто из них не вернулся, но недавно получилось от Соколихи письмо. Пишет, что в Беловодье не попала, но живет хорошо. А где живет, того и не пишет. Все знают о Беловодье».

«С каких же пор пошла весть о Беловодье?» — «А пошла весть от калмыков да от монголов. Первоначально они сообщили нашим дедам, которые по старой вере, по благочестию».

Значит, в основе сведений о Беловодье лежит сообщение из буддийского мира. Тот же центр учения жизни перетолкован староверами. Путь между Аргунью и Иртышом ведет к тому же Тибету.

Задумана картина «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Вся чистота. И несет он сосуд свой.

Пишут об магнитных бурях, о необычных температурах и о всяких ненормальностях в природе в связи со сгущением солнечных пятен. В будущем году эффект пятен будет еще значительнее. Возможны необычайные северные сияния. Возможно потрясение нервной системы. Сколько легенд связано с солнечными пятнами, с грозными морщинами светила.

Рамзана ушел в Ладак. Не вынес северных низин. «Или уйду, или умру». Конечно, вся жизнь ладакцев проходит на высотах не ниже двенадцати тысяч футов (3,5 км). Жаль Рамзана. Спокойно оставляли на ладакцев охрану всех вещей. А ойротские ямщики на ладакцев не похожи.

Кооператор бодро толкует: «Мы-то выдержим. Только бы машины не лопнули. Пора бы их переменить».

И считает Вахрамей число подвод с сельскими машинами. Староверское сердце вместило машину. Здравое судит о германской и американской индустрии. Рано или позднее, но будут работать с Америкой. Народ помнит американскую АРА². Народ ценит открытый характер американцев и подмечает общие черты. «Приезжайте с нами работать», — зовут американцев. Этот дружеский зов прошел по всей Азии.

После индустриальных толков Вахрамей начинает мурлыкать напевно какой-то сказ. Разбираю: «А прими ты меня, пустыня тишайшая. А и как же принять тебя? Нет у меня, пустыни, палат и дворцов...»

Знакомо, сказ про Иосифа. «Знаешь ли, Вахрамей, о ком поешь? Ведь поешь про Будду. Ведь Бодхисатва — Бодхисатв — переделано в Иосаф».

Так влился Будда в кержацкое сознание, а пашня довела до машины, а кооперация до Беловодья.

Но Вахрамей не по одной кооперации, не по стихирам только. Он, по завету мудрых, ничему не удивляется; он знает и руды, знает и маралов, знает и пчелок, а главное и заветное — знает он травки и цветики. Это уже неоспоримо. И не только он знает, как и где растут цветики и где затаились коренья, но он любит их и любитесь ими. И до самой седой бороды, набрав целый ворох многоцветных трав, он просветляется лицом и гладит их, и ласково приговаривает о их полезности. Это уже Пантелей Целитель, не темное ведовство, но опытное знание. Здравствуй,

² АРА — American Relief Administration, американская организация по оказанию помощи европейским странам, пострадавшим в 1-й мировой войне, действовавшая в 1919 — 23 гг. под руководством г. Гувера. Принимала участие в помощи голодающим Поволжья в 1921 г.

Вахрамеев Семён! Для тебя на Гималаях Жар-цвет вырос.

А вот и Вахрамеева сестра, тетка Елена. И лекарь, и травчатый живописец, и письменная искусница. Тоже знает травы и цветики. Распишет охрой, баканом и суриком любые наличники. На дверях и на скринях наведет всякие травные узоры. Посадит птичек цветистых и желтого грозного леву-хранителя. И не обойдется без нее ни одно важное письмо на деревне. «А кому пишешь-то, сыну? Дай-ко скажу как писать». И течет длинное жалостливое и сердечное стихотворное послание. Такая искусница!

«А с бухтарминскими мы теперь не знаем. Они, вишь, прикинулись коммунарами и наехали грабить, а главное — старинные сарафаны. Так теперь их зовут “сарафанники”. Теперь, конечно, одумались. Встретится — морду воротит: все-таки человек, и стыдно. Теперь бы нам машин побольше завести. Пора коней освободить».

И опять устремление к бодрой кооперации. И тучнеют новые стада по высоким хребтам. А со Студеного хребта лучше всего видно самую Белуху, о которой шепчут даже пустыни.

Все носит следы гражданской войны. Здесь на Чуйском тракте засадою был уничтожен красный полк. Там топили в Катунь белых. На вершине лежат красные комиссары. А под Котандой зарублен кержацкий начетчик. Много могил по путям, и около них растет новая, густая трава.

Как птицы по веткам, так из языка в язык перепархивают слова. Забытые и никем не признанные. Забайкальцы называют паука — мизгирем. Торговый гость, мизгирь, по сибирскому толкованию — просто паук. Какое тюркское наречие здесь помогло? Ветер по-забайкальски — хиус. Это уже совсем непонятно. Корень не монгольский и не якутский.

В тайге к Кузнецку едят хорьков и тарбаганов (сурков). Это уже опасно, ведь тарбаганы болеют легочной чумой. Говорят, что чумная зараза исчезает из шкурки под влиянием солнечных лучей. Но кто может проверить, когда и сколько воздействовали солнечные лучи? Откуда шла

знаменитая «испанка», так похожая на форму легочной чумы? Не от мехов ли? Часты в Монголии очаги заболеваний, а чума скота вообще довольно обычна. Ко всему привыкаешь. В Лахоре, в Шринагаре и в Барамуле³ была при нас сильная холера; в Хотане была оспа; в Кашгаре скарлатина. Обычность делает обычными суровые явления.

Ойротские лошадки выносливы. Хороши также кульджинские олетские кони. Карашарские бегуны и бадахшанцы не выносливы и в горах менее пригодны.

Монголы и буряты хотят видеть разные страны, хотят быть и в Германии и во Франции. Любят Америку и Германию. Необходимость расширить кругозор характеризуется ими старинной притчей о лягушке и черепахе. Лягушка жила в колодце, а черепаха в океане. Но приходит черепаха к лягушке и рассказывает о громадности океана. «Что же, по-твоему, океан вдвое больше моего колодца?». «Гораздо больше», — отвечает черепаха. «Скажешь, в три раза больше колодца?» — «Гораздо больше». — «И в четыре раза больше?» — «Гораздо». Тогда лягушка прогнала черепаху как хвастуна и лжеца.

Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, нетовцы (ничего не признающие, но считающие себя «по старой вере») доставляют столько непонятных споров. А к Забайкалью среди семейских, то есть староверов, ссылавшихся в Сибирь целыми семьями, еще причисляются и темноверцы и калашники. Темноверцы — каждый имеет свою закрытую створками икону и молится ей один. Если бы кто-то помолится на ту же икону, то она считается негодной. Еще страннее — калашники. Они молятся на икону через круглое отверстие в калаче. Много чего слышали, но такого темноверия не приходилось ни видеть, ни читать. И это в лето 1926 года! Тут же живут и хлысты, и пшкловцы, и штундисты, и молокане. И к ним уже стучится поворотливый католический падре. Среди зеленых и синих холмов, среди таежных зарослей не видеть всех измышлений. По бороде и по низкой

³ Барамул — населенный пункт на севере Кашмира.

*Тюркское каменное изваяние. Республика Алтай.
Фото А. Клюева*

повязке не поймете, что везет с собою грузно одетый встречный.

В Усть-Кане последняя телеграфная станция. Подаем первую телеграмму в Америку. Телеграфист смущен. Предлагает послать почтой в Бийск. Ему не приходилось иметь дело с таким страшным зверем, как Америка. Но мы настаиваем, и он обещает послать, но предварительно запросит Бийск.

На следующий год запланировано продолжить железнодорожную линию до Котанды, то есть в двух переходах от Белухи. До Котанды еще с довоенного времени была запроектирована ветка железной дороги от Барнаула, связывая сердце Алтая с Семипалатинском и Новосибирском. Говорят: «Тогда еще инженеры прошли линию». — «Да когда, тогда?» — «Да известно — до войны». Таинственное «тогда» становится определителем довоенной эпохи. Уже Чуйский тракт делается моторным до самого Кобдо. Уже можно от Пекина на «дожде» доехать до самого Урумчи, а значит, и до Кульджи, и до Чугучака, до Семипалатинска. Жизнь кует живительную сеть сообщений.

Ползут рассказы из Кобдо. Каждому занятно передать хоть что-нибудь из неведомой Монголии, из страны магнитных бурь, ложных солнц и крестовидных лун. Все хотят знать о Монголии. Все особенное. Толкуют, что часового солдата съели собаки. Он семь их зарубил, но от стаи отбиться не смог. Монгольский командующий в Улясутае съел человеческое сердце. Кто говорит — русское, а кто полагает — китайское. На Иро и к Урянхаю — много золота. То же на Иро, у шаманки родился странный мальчик, который сообщил какое-то предсказание. Шептали про перевоплощение богдо-гегена монгольского. А другой такой же, какой-то особенный, родился в Китае. Но знатоки не признают ни того, ни другого: ведь богдо-геген ни-

когда ни в Монголии, ни в Китае не рождался, а всегда это происходило в Тибете. На пути из Улясутая в Кобдо выскочили какие-то дикие люди в мехах и кидали камнями в машину. Их называли «охранители». По пути в Маньчжурию из скалы течет в пустыню «минеральное масло». И такие магнитные места, что даже машина замедляет ход.

На перекрестках дорог ткуются сложные ковры — слухи азиатских узоров. Да и как же без вестей? Этак скоро ни к чему будет в дальний аил поехать и попить чай с крепким наваром рассказов. Монголия привлекает внимание.

«За периодом пробуждения Востока наступает период прямого участия народов Востока в решении судеб всего мира».

«Курумчинские кузнецы» — странные, непонятные народы, которые не только прошли, но и жили в пределах Алтая и Забайкалья. Общепринятые деления на гуннов, аланов, готов — разбираются на множество необъясненных подразделений. Настолько все неизвестно, что монеты с определенными датами иногда попадают в совершенно несоответственные времени установленных периодов. Оленьи камни⁴, керексуры⁵, каменные бабы, стены безымянных городов хотя и описаны и сосчитаны, но пути народов еще не выявлены. Как замечательны ткани из последних гуннских могил, которые дополнили знаменитые сибирские древности.

Живет предание о черном камне, появляющемся в сроки больших событий. Если сравните все устные сроки из Индии, Тибета, Египта, Монголии, то совпадения их напомнят, как помимо историков пишется другая история мира. Особенно значительно сравнение показаний совершенно различных народностей.

Калмыки и монголы по следу коней и верблюдов узнают род и количество груза. Скажут: «Проехал конный с двумя конями в поводу. Два

⁴ Оленьи камни — скалы и камни, покрытые древними рисунками.

⁵ Керексуры — древние могилы в виде курганов из камней.

коня загнаны, а третий свежий». Или: «Прошел табун и при нем два вершника⁶».

Передавали случаи из недавних войн. Вызвался один наездник принудить к сдаче целый полк. Взял одного товарища и большой табун конский, — «Больше, — говорит, — ничего и не надо». Подогнал табун с наветренной стороны, а сам поехал с товарищем для переговоров. Требуется: «Немедленно сдать оружие, иначе поведу на вас все мое войско». Подумали, поглядели на столбы пыли от табуна, да и сдали оружие. А удалец велит товарищу: «Скачи, отведи войско обратно». Так и принудил к сдаче весь полк. И это не чингисова сказка, а недавняя быль.

И слухи опережают даже моторы. За двести верст верхом едут чай попить.

Опять передают: «Толкуют, что вы пропали». Неужели во второй раз меня похоронят? Откуда это неиссякаемое стремление клеветы и всяких ложных выдумок? Говорят, что много распространено поддельных картин под меня. Рассказывают целые забавные истории и даже называют несколько имен, таким порядком на мне заработавших. Говорят, В. и Р. — один в Ленинграде, а другой в Москве поработали. Несколько подделок мне приходилось видеть еще до войны. Помню одну очень большую картину, неглупо составленную из фрагментов разных моих вещей. Бедный собиратель, позвавший меня одобрить его покупку, был огорчен безмерно. Друзья, вам могут приносить в музей такие подделки, смотрите, будьте осторожнее. Так часто приходилось видеть и картины, и целые альбомы, фальшиво приписанные. Помню одну картину Руцица, подписанную моим именем.

Рассказывают о гибели многих моих картин. Пропал «Зов змия» из Академии, пропали «Поход», «Ункрада», «Построение стен», «Святогор» и другие. Конечно, их считают пропавшими, но кто знает? Пути вещей так неожиданны. Собирая

работы старинных мастеров, мы наталкивались на такую изысканную игру жизни.

Приходит заезжая художница. Приходит геологическая экспедиция. Говор о художниках: крепко стоят Юон, Машков, Кончаловский, Ленгулов, Сарьян, Кустодиев. Пошатнулся Бенуа. Ушел в Литву Добужинский. Не упоминают Сомова, не знают, что Бакст умер. Подрастают молодые. Смело действуют Щусев и Щуко. И ходит художница, и зарисовывает старые уголки: ворота, наличники окон, резные балки и коньки крыш, точно последний списочек вещей перед дальним путем. И исчезнут с крыш резные коньки. И пусть уйдут, так же как и узоры набойки. Но чем заменятся они? «Венский» стул и линючий ситец — не вводят культуру. Вот для молодых-то и задача: дать облик будущей жизни. Из фабричных гудков и из колокольного звона создавали симфонию. Если даже это не удалось, то сама затея была созвучна. Вот и для обстановки дома нужна находчивая рука и затея без предрассудков. Вот мстерские, палехские и холуйские иконники обновили и продолжают свою работу. Как красивы их произведения в Кустарном музее! Привет Вольтеру⁷.

На востоке применяют экстериоризацию чувствительности не только к отдельным личностям, но и к группам и как бы к целым местностям. Получается грандиозный опыт применения психической энергии. И все это делается молчаливо и анонимно.

Смотрите и удивляйтесь: и книги, и картины, и песни, и танцы, и строения — все это анонимно пускается по волнам мира. Книги, по традиции, приписываются определенному автору, но ведь он-то сам на рукописи свое имя не ставил. Картины не подписаны; имя зодчего Поталы не запечатлено. На фарфоре, на керамике и на металлических изделиях видите иногда марку производства, но не имя автора. И в этой основной

⁶ Вершник — верховой, всадник.

⁷ А.А. Вольтер — русский художник, учившийся у Н. Рериха.

анонимности Восток далеко оставил за собою Запад. У Востока нужно учиться, но для этого нужно усвоить психологию Востока. Восток не любит фальшивых пришельцев; Восток легко различает маскарадную подделку. И Восток никогда не забудет свое решение. Испытание Востока решается в первый же момент. Все заплатки поправок лишь увеличат шутливость поддельного наряда.

Открытие Теремина: «Мы видели на экране движение человеческой руки, происходившее в те же моменты времени за стеною в соседней комнате». Наконец-то «чудесное» делается просто «научным». Наконец-то начинают обращаться к реальному изучению всех свойств энергии.

Именно тогда, когда мы не просили, именно тогда, когда не ожидали, он сам сказал и показал свое знание особых мест Тибета. Наши простецы сочли бы это за сказку или за необычайное откровение, а он улыбнулся, запахнул желтый халат и показал знание, кто и где живет. «А с тем местом уже пятнадцать лет не было сношений».

В личных покоях далай-ламы поставлено недавно сделанное изображение Будды с пламенным мечом. «Будда — Победитель всепокоряющий».

К таши-ламе в Пекине пришла группа китайцев, прося выдать им паспорта для отправления в Шамбалу. Это нам напомнило письмо, написанное из Бостона в Шамбалу. Откуда и как встретилась эта китайская группа? Собрали ли их скитания Лао-дзина? Или более старые писания? Или книга утайшаньского настоятеля? Когда-то смеялись бы над этим фактом, но сейчас произошло многое. Так обогатилась литература, что недавняя «выдумка» и «магия» переданы в лабораторию исследования. И скептики негодуют, но благодаря их полной необразованности и непросвещенности. Прислушиваемся к шагам нового мира. Видим движение великой руки Азии. Даже самые тяжелодумы спрашивают, что это значит? Можно говорить о значении происходящего, но самый факт уже не остается незамеченным.

Толкуют об опытах Манойлова, исследовавшего пол растений и минералов, а также мужское и женское начало человеческой крови. Опыт

с минералом пиритом дает результат, издавна указанный наукой Востока. «Пирит дает кристаллы двух видов — в виде куба и в виде двенадцатигранника. Если тот же единый реактив налить в пробирку с кубическими кристаллами, получится обесцвечивание жидкости — мужская реакция, а если то же сделать с двенадцатигранными кристаллами, получится фиолетовое окрашивание — женская реакция». Для Запада это открытие ново, но Восток в своих древнейших формулах говорит о двенадцатизначнике (додекаэдроне) Матери Мира — женского начала. Также указывается о фиолетовом физическом женском излучении. Представьте себе, с какой спокойной улыбкой слушает ученый Востока о «новых» открытиях Запада. «Гемоглобин в крови животных и хлорофилл в соке растений по природе своей сходны». И ученый Востока кивает головой в знак давно известного согласия.

Луначарский говорит: «Ведь у нас до сих пор еще, несмотря на сердитый окрик <...>, распространено представление о том, что культура вплоть до возникновения элементов культуры пролетарской сплошь “буржуазна”, что она представляет собою опасный яд для всякого правоверного коммуниста и что следует всемерно ограждать таких правоверных не только от “совета нечестивых”, то есть людей старой культуры, но и от того, что они произвели. Порой, слушая таких людей, можно подумать, что мы не ученики Маркса, в колоссальной степени владевшего старой культурой и ценившего ее, между прочим также и в области искусства, — вспомним его отношение к Гомеру, Шекспиру, Бальзаку, Гете и Гейне, — а ученики какого-то своеобразного Савонаролы, чуть-чуть не его “Плаксы”, боящиеся всякой радости жизни и готовые собрать на площади им. Свердлова большой костер для сожжения “Суеты сует”... Здесь уместно припомнить, как непрестанно и как подчеркнуто возвращался Владимир Ильич к идее о необходимости усвоить старую культуру вплоть до старого искусства, о чем совершенно определенно гласит составленный им соответственный параграф нашей программы».

В великом Владимире поразительно отсутствует отрицание. Он вмещал и целесообразно вкладывал каждый материал в мировую историю. Именно это вмещение открывало ему путь во все части света. И народы складывают ленинскую легенду не только по прописи его постулатов, но и по качеству его устремления. За нами лежат двадцать четыре страны, и мы сами в действительности видели, как народы поняли притягательную мощь <...>. Друзья, самый плохой советчик — отрицание. За каждым отрицанием скрыто невежество. И в невежестве — вся гидра контрреволюции.

Знайτε, знайте без страха и во всем объеме.

Когда же наконец люди выйдут из туманных потемок «мистики» для изучения солнечной действительности? Когда же извилина пещеры сменится сиянием простора?

Маральи рога и мускус кабарги до сих пор являются ценным товаром. Нужно исследовать целебные свойства толченого рога марала. Весенняя кровь, налившая эти мохнатые рога, конечно, напитана сильными отложениями. В чем разница мускуса тибетского барана от мускуса алтайской кабарги? Кабарга питается хвоей кедра и лиственницы. Алтайцы жуют хвойную смолу. Все качества мускуса должны быть исследованы.

Стоим в бывшей старовойской моленной. По стенам еще видны четырехугольники бывших икон. В светлице рядом написана на стене красная чаша. Откуда? У ворот сидит белый пес. Пришел с нами. Откуда?

Белый Бурхан, конечно, он же Благословенный Будда. В области Ак-кема следы радиоактивности. Вода в Ак-кеме молочно-белая. Чистое Беловодье. Через Ак-кем проходит пятидесятая широта. Вспоминаем заключение Чома де Кереша.

На вершинах холмов наблюдается необычно теплая температура в зимнее время. По заметкам Сапожникова, ледник на Белухе за пятнадцать лет отступил на сто восемьдесят метров.

Около двух часов ночи на второе августа на восток от села Алтайского падал сильно светящийся огромный метеорит. К югу от Верхнего

Уймоны в прошлом году на вершине холма выбросило как бы взрывом камни и песок. Образовалась воронка.

Начата картина «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Сама чистота. Как на Фалюте. И несет он с горы сосуд свой.

«Кует кузнец судьбу человеческую на Сиверных горах». Гроб Святогора на Сиверных горах. Сиверные горы — Сумыр, Субур, Сумбыр, Сибирь — Сумеру. Все тот же центр от четырех океанов. В Алтае, на правом берегу Катуня, есть гора, значение ее приравнивается мировой горе Сумеру. *Саин Галабын судур* — «Сказание о добром веке».

Все деревья были заговорены, чтобы не вредить Бальдру⁸. Одна омела была забыта; именно стрела из этой омелы поразила Бальдра. Все животные дали благословение на построение храма в Лхасе, но один сивый бык был забыт, он-то и восстал после, в виде нечестивого царя, против истинного учения. Ничто сущее не должно быть обойдено при строительстве. «Даже мышь перегрызет узлы».

Приветлива Катунь. Звонкие синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоилось суровой мощи и красоты?

Семнадцатого августа увидели Белуху. Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород.

А за Белухой покажется милый сердцу хребет Куэнь-Луны, а за ним — «Гора божественной владычицы», и «Пять соковок снегов», и сама «Владычица белых снегов», и все писаное и неписаное, все сказанное и несказанное.

«Между Иртышом и Аргунью, через Кокуши, через Богогорше, по самому Ербору едет всадник»...

1926 год

⁸ Бальдр — бог добра в скандинавской мифологии.

